
Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона

Часть I

© 2021 г. А.В. Вдовиченко

*Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23 Б.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Поступила 01.04.2021

Парадокс К. Греллинга – Л. Нельсона возникает при условии использования автором (авторами) и адресатом (адресатами) классической языковой модели смыслообразования, которая постулирует, что в словосодержащих семиотических процедурах употребляются и понимаются автореферентные знаки (слова), или модули «форма – значение». В рамках коммуникативной модели смыслообразования, напротив, констатируется невозможность автономной референции знака; в качестве единственно возможного объекта референции и понимания в данном коммуникативном акте рассматривается сама попытка опосредованного воздействия (процесс); акциональный («воздейственный») режим сознания семиотического актора признается исключительным источником данного производимого смысла, в том числе «референции знаков». Парадокс рассматривается как последовательность попыток коммуникативных воздействий на мыслимого адресата, который понимает (одобряет или не одобряет) действия автора парадокса на основе оценки его акциональных состояний: на каких объектах автор фокусирует внимание адресата, каковы денотаты, мыслимые автором за «телами» знаков, насколько оправданы устанавливаемые классы, отношения, признаки и пр. Главную уязвимость парадокса предлагается видеть в том, что автор неоправданно признает самостоятельную вне-коммуникативную способность знака (слова) производить воздействия (называть, описывать, иметь собственные свойства), не замечает коммуникативные константы смыслообразования в теоретическом поле, хотя неизбежно пользуется ими. Парадокс элиминируется вместе со снятием классической концепции знака как автономного модуля «форма – значение».

Ключевые слова: парадокс, антиномия, парадокс Греллинга – Нельсона, смыслообразование, знак, языковая модель, коммуникативная модель, семиотическое воздействие, акциональный режим сознания, референция, изменение внешнего когнитивного состояния.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-108-122

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* Классическая и коммуникативная модели знака в интерпретации парадокса Греллинга – Нельсона. Часть I // Вопросы философии. 2021. № 11. С. 108–122.

Classical and Communicative Sign Models in Explanation of the Grelling – Nelson Paradox Part I

© 2021 Andrey V. Vdovichenko

*Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 b.1, Bolshoi Kislovskii per., Moscow, 125009,
Russian Federation; Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities,
23b, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Received 01.04.2021

K.Grelling – L.Nelson's paradox arises if the author (authors) and the addressee (addressees) use the classical linguistic model of meaning formation, which postulates that self-referential signs (words), or modules "form – meaning", are employed and understood in word-containing semiotic procedures. The communicative model of meaning formation, on the contrary, states the impossibility of an autonomous reference of a sign, considers an attempt at indirect influence (i.e., process) as the only possible object of reference and understanding in a given communicative act, recognizes the actional ("influential") mode of semiotic actor's consciousness as the exclusive source of the produced "meaning", including of sign reference. The paradox is viewed as a sequence of attempts at communicative influences on a conceivable addressee who understands (approves or disapproves) the actions of the author of the paradox by considering his "influential" cognitive states: on which objects the author focuses the addressee's attention, what are the denotations hidden by the author behind the "bodies" of signs, how justified the established classes, relationships, links, etc. The main vulnerability of the paradox is proposed to be seen in the fact that the author unjustifiably recognizes the independent out-of-communicative ability of a sign (word) to produce influences (to name, to describe, to have its own properties), does not notice the communicative constants of meaning formation in the theoretical field, although inevitably uses them practically. The paradox is eliminated together with the removal of the classical concept of a sign as an autonomous module "form – meaning".

Keywords: paradox, antinomy, Grelling – Nelson's paradox, meaning formation, sign, language model, communicative model, semiotic influence, actional mode of consciousness, reference, altering (transforming) an external cognitive state.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-11-208-122

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2021) "Classical and Communicative Sign Models in Explanation of the Grelling – Nelson Paradox. Part I", *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2021), pp. 108–122.

Классическая концепция знака (Платон, Аристотель, стоики, Пирс, Фреге, Соссюр, Моррис, Лотман и др. [Слюсарева 1975, 15 слл.]) создает непреодолимые теоретические затруднения при интерпретации порождения смысла в знаковых (включая словосодержащие) процедурах. Пересмотр роли знака в смыслообразовании, как, впрочем, и самой модели смыслообразования в знаководержащем процессе, способствует разрешению многих скрытых и явных коллизий гуманитарного знания, в том числе проблемы возникновения и снятия логических парадоксов (в том числе парадокса К. Греллинга – Л. Нельсона).

Классическая модель знака и «парадокс знака»

В основании теории классического семиозиса лежит спонтанно возникающая презумпция, что при взаимодействии обладателей сознания используются и понимаются знаки, обязательным свойством которых – в рамках все той же спонтанной презумпции – постулируется единообразие и всеобщность, а также способность соединять в себе внешнюю форму с мыслимым содержанием. Со времен платоновского «Кратила» (где свойство «имени» быть всеобщим обозначающим принимается по умолчанию и решения требует лишь вопрос о том, откуда это свойство возникает – *kata physin* «по природе» или *kata thesin* «вследствие установления») излюбленным плацдармом для семиотических исследований выступают *вербальные данные*, способы осмысления которых рельефно представляют все теоретические несовершенства традиционной знаковой теории смыслообразования.

Словесным знакам традиционно приписывается роль «инструментов» и «агентов» смысла (семантики) ввиду очевидности непосредственно наблюдаемого: говорящий произносит (пишет) слова, которые понимаются адресатом; поскольку произносимые слова очевидным образом связаны с сознанием, вербальная речь представляется обнаружением мысли или даже самой мыслью: «Если же... приписывать [одному слову] беспредельное число значений, тогда, очевидно, и язык был бы невозможен. Ибо не означать чего-нибудь определенного, значит, ничего не означать, а если имена [ничего] не означают, то уничтожается возможность не только взаимной беседы, но, по правде сказать, и [возможность] рассуждения с самим собою, потому что вовсе невозможно думать, не думая [чего-либо] индивидуального. Если же можно [о чем-либо думать], то можно этому предмету и дать индивидуальное имя. Примем, таким образом, за правило, что имя, как было сказано вначале, [всегда] на нечто указывает, и притом на нечто индивидуальное» (Аристотель, «Метафизика» IV 6, 1006b) [Аристотель 2006, 132]. Отождествление мыслительного процесса с вербальным (речью), о чем Платон и Аристотель свидетельствуют неоднократно (Платон, «Теэтет» 190a, 206d; «Софист» 263e; Аристотель, «О софистических опровержениях», IV, 10), возникает, с одной стороны, как констатация наблюдаемой психической реальности («в сознании звучат слова»), с другой, ввиду очевидной осмысленности (сознательности) употребления слов и возникающей как следствие простоты теоретической схемы: слова – в осмысленной речи, осмысленность – в словах, мысль – в словах, мысль и слово едины.

В последующих вариантах классической концепции семиозиса существование вербального знака как коллективного инструмента и агента смысла (значения) не подвергается сомнению вплоть до Новейшего времени. Частичным исключением можно считать позицию Каппадокийских отцов (Василия Кесарийского и Григория Нисского, IV в.), которые в ожесточенной богословской полемике против Евномия Кизикийского вынужденно и не вполне последовательно отстаивали роль свободного сознания в семантике слова, постулируя неизбежное использование любого «имени» *kat'epinoian*, «по человеческому примышлению». Признание обратного, то есть платоновской идеи, присущей самому слову (*gennetos* «рожденный» для Сына и *agenetos* «нерожденный» для Бога Отца), влекло бы за собой крах ортодоксального понимания единосущия, всей триадологии и христологии [Вдовиченко 2013]. При этом другие ключевые позиции знаковости в смыслообразовании, а именно концепция «мыслесловности» (передачи мыслей словами), слитность слова и выражаемой им сущности (понятия), суммирование значений слов в высказывании, локализация значения (смысла) в вербальном знаке, направленность высказывания на констатацию положения дел («отражательность») – не подвергались сомнению ни в богословском, ни в философском поле, в том числе впоследствии в философии номинализма.

Представители семиотики Нового времени (столь же, впрочем, классической к настоящему моменту) были вынуждены снабжать оговорками простоту древней схемы, поскольку реальность мышления и говорения очевидным образом не вписывалась в строгую концепцию «знак – значение» («слово – мысль», «знак – смысл» и пр.).

Единообразная форма знака (слова, имени, высказывания) не могла гарантировать столь же единообразное стоящее за ним значение (смысл, семантику) и, следовательно, требовала введения каких-то иных факторов смыслообразования.

В ходе усложнения и уточнения схемы, с одной стороны, в качестве концептуальных средств преодоления семантической нетождественности знака возникают понятия *контекста*, *интерпретатора* и *прагматики* (Пирс, Моррис), появляется разделение на смысл и значение (Фреге), на значение и значимость (Соссюр), а также концепция асимметрии знака (Карцевский). С другой стороны, предпринимаются попытки зафиксировать знак в строгих смысло-формальных границах и застраховать от дальнейших попыток размыть его автономность и определенность: появляется концепция идеального языка и знаковой системы (Соссюр, структуралисты), единого кода (Якобсон), концепция семиосферы (культуры) как знакового текста (Лотман). Все вместе эти усилия были направлены на создание комфортных теоретических условий для объяснения (спасения) функционирования знакового «языка», в основном вербального, – почтенного рудимента лингвистики и семиотики, выводимого из спонтанной презумпции: используются и понимаются единообразные знаки (единства «тело знака – значение»), вместе составляющие орудийное единство «язык».

В то же время эти корректировки самим фактом своего возникновения подтверждали и усугубляли другую очевидность: так называемый *знак*, понимать ли его как отрезок фонетической цепи (в том числе отдельное слово) или как предложение (а также – уже не в лингвистическом поле – как картинку, жест, пиктограмму и пр.) *не может мыслиться как модульное единство* «форма – значение».

В самом деле, никакое воспринимаемое тело знака с мыслимым в нем «значением» не может быть уподоблено предмету, обладающему определенным цветом. Связь тела предмета с цветом, которым он обладает, воспринимается как несомненная, в то время как тело знака, чтобы получить («предъявить») значение, должно пройти через «когнитивную призму», и только там ассоциирование условно выделяемого тела знака (звука? слова? предложения? текста?) и значения (смысла) становится возможным. *Когнитивное опосредование* (или стадия «когнитивной призмы») составляет главную специфику семиозиса, но одновременно обнаруживает и главную уязвимость его классической версии, поскольку вводит *проблему тождества*: тела знаков, существующие и воспринимаемые в относительном предметном тождестве, сами не в состоянии каузировать гарантированно тождественные (воспринимаемые единообразно) *смысловые* объемы.

Так, фонетический комплекс, условно выделяемый как знак («слово»), не в состоянии самостоятельно производить конкретную референцию (не говоря уже о звуке или наборе звуков – слоге, морфеме, интонационном рисунке). Слова [он], [прилететь], [местный], [два], а также [Сократ], [Платон], [Петров], [давай], [модель], [даже], [вот], [ВВП] и пр. не может автономно предъявлять «означаемое», поскольку каждое из них отвечает сразу за множество (там, где их вообще можно представить) мыслимых объектов, признаков, действий и пр. Слов-знаков попросту меньше, чем референтов. Референты же, в свою очередь, не обнаруживают достаточно определенной связности с каким-то знаковым телом. Так, Сократ – если иметь в виду учителя Платона, а не, скажем, одноименного историка церкви V в. – может быть означен русскими (не говоря уже о других иноязычных) клише «он», «этот человек», «афинский философ», «старший современник Платона», «герой комедии Аристофана» и пр.; при этом ни одна из приведенных номинаций, в том числе само имя «Сократ», необязательно соединена с «тем самым Сократом», может обозначать кого-то другого, а не «того самого Сократа», не имеет столь же определенного «значения», сколь определенный цвет имеет тело конкретного предмета. Очевидно, что между множеством слов (условных тел знаков) и множеством «означаемых» нельзя констатировать упорядоченного соответствия (функции), и потому вопрос о значении знака (слова) не может быть по умолчанию решен так, как это делал Платон в «Кратиле» и затем любые сторонники классической знаковости: «тело знака ассоциировано со значением, что, собственно, и позволяет рассматривать данное единство как знак».

К тому же несомненная недостаточность – для порождения смысла – какого-то *одного знакового канала*, а также взаимозаменяемость и сочетаемость знаковых каналов в пределах одного коммуникативного акта свидетельствуют в пользу смысловой нетождественности автономных знаков, принадлежащих каким-то искусственно обособленным «языкам» – вербальному, изобразительному, жестовому, музыкальному и пр. Так, для употребления и понимания в относительном тождестве графического знака [он] необходимы не только так называемый вербальный, но и визуальный и аудиальный каналы, а также ресурсы краткосрочной и, вероятно, долгосрочной памяти, а также ситуационный анализ: адресат должен видеть знак [он], воссоздавать его звуковой (первичный по сравнению с графическим и предшествующий ему) образ, сопоставлять увиденное/услышанное с ситуацией написания/произнесения, избирать из имеющихся вариантов объект дейксиса и пр. Те же операции производятся не только с «дейктическим», но с любым словом, условно выделенным и обособленным в потоке актуально-говорения/письма.

Кроме того, сам факт присутствия *интерпретации* в любой семиотической процедуре заставляет задаться вопросом: зачем интерпретировать, если знак и без того имеет значение, будучи «носителем всеобщей языковой семантики»? Однако, несмотря на «единый язык», составленный из «общеизвестных слов», адресант и адресат неизбежно *интерпретируют*. Участники знаковой деятельности явно изыскивают что-то за пределами знаков, не удовлетворяясь их мнимой предметной определенностью (пресловутым «единством означаемого и означаемого») и общеизвестностью.

В том же смысле вопрос о *контексте*, к которому классический семиозис все же вынужден был обратиться, только изобличает неспособность знака к автономному смыслообразованию, обладанию определенным значением: если знак вне контекста понимать невозможно, то следует признать, что понимаются, скорее, более сложные комплексы «тело знака плюс контекст» (нечто иное, нежели автономный знак), нежели сами смыслоформальные единства «тело знака плюс значение». Неизбежно расширяя вербальный контекст до ситуативного, составленного не только из слов, наблюдатель окончательно теряет классический вербальный знак в качестве опоры, пригодной для объяснения смыслообразования.

В конце концов классическая теория знаковости, настаивая на значении, содержащемся в телах знаков, но не имея возможности его предъявить в автономных формальных комплексах («словах»), вводит своего рода парадокс, не разрешимый в рамках понимания вербального знака как смысло-формального единства:

(А) Участники вербального процесса используют для смыслообразующего говорения (письма) вербальные знаки, – при том что никакой знак, выделенный на любом уровне лингвистического анализа, не обладает автономным смысловым тождеством, не может сам выступать смысло-формальным единством, достаточно определенным для intersubjectивного понимания в тождестве. См. также: [Вдовиченко 2020^а, 75].

Коммуникативная модель знака

Для разрешения «парадокса вербального знака» необходимо отказаться от классической концепции в пользу *акциональной коммуникативной интерпретации знакового процесса*. Коммуникативная модель семиозиса [Вдовиченко 2018^а] предполагает несколько ключевых позиций, важных в том числе для последующего снятия парадокса Греллинга – Нельсона:

1. Смыслом (целевой причиной) любого коммуникативного акта является мыслимое (планируемое) *воздействие* на постороннее сознание, то есть на когнитивно-эмоциональное состояние, представленное как иное. Обладатель сознания может обращаться к присутствующему или отсутствующему адресату, к самому себе (представляя себя своим собеседником), к вещи или явлению (отождествляя их или симулируя отождествление с обладателями сознания). Адресат воздействия всегда остается

мыслимым, представимым как объект опосредованного воздействия. Поскольку знаковый и мыслительный процессы принципиально различны (они соотносятся как планирование действия – мыслительный процесс – и само действие – знаковый процесс), условием возникновения знакового процесса является признанная необходимость и возможность произвести внешнее воздействие с использованием каких-то демонстративных средств («знаков»), доступных, в отличие от внутреннего когнитивного процесса, иному мыслимому обладателю сознания. Когнитивный процесс (планирование, анализ, воспоминание и пр.), в отличие от внешнего действия, не нуждается в знаковых формах.

2. В основании попытки производимого воздействия лежит личное *когнитивно-эмоциональное* (психическое) состояние, которое опосредованно эксплицируется актором в семиотической процедуре и воссоздается адресатом (наблюдателем) при интерпретации данного семиотического акта. Так, человек, услышавший при переходе через улицу крик «Стоп», для определения «семантики» данного «знака» должен воссоздать состояние актора, или замысел его действия, уже перешедшего в стадию реализации. Состояние актора стало акциональным, воздейственным, что и определяет значение/смысл «знака», позволяя ответить на вопросы: обращен ли императив [стоп] к самому интерпретатору или кому-то иному; каковы мыслимые актором причины действия – видимые им объекты, их диспозиция, аспекты представления ситуации, интенция в отношении адресата и пр. «Означаемое» знака [стоп], выделенного в структуре производимого воздействия, целиком обусловлено *когнитивным состоянием актора*, которое и задает предел смыслообразования в данном семиотическом воздействии.

3. Знаки, условно выделяемые в качестве единых комплексов (например, слова, а также звуки, морфемы, словосочетания, предложения и пр.), представляют собой *намеки* на внутренние когнитивные состояния, или «следы», ведущие к искомому *акциональному* (воздейственному) *режиму сознания* семиотического актора. Смыслообразующий статус приобретает «знаком» (вернее, «телом» знака) только при условии, что устанавливается референция, производимая семиотическим актором в личном воздействии. Возникающие в данном коммуникативном акте «референты» суть представимые им реципиенты, объекты, связи, эмоции, ценности, интенции к адресату и пр. В процедуру их воссоздания адресатом вовлекаются разнообразные (в том числе разноканальные) параметры данного семиотического воздействия (ресурсы долгосрочной и краткосрочной памяти, сопутствующие обстоятельства, моменты когнитивно-эмоционального состояния адресата и в том числе используемые условно обособляемые «знаки»). Интерпретация любого знакового воздействия состоит в разгадывании «намека», в продвижении по знаковому «следу», ведущему к точке локализации смысла – незнаковому акциональному состоянию актора, единственному источнику смыслообразования в актах семиозиса.

4. Текст (в том числе словосодержащий, «вербальный») представляет собой последовательность семиотических воздействий, вернее, *ряд вербальных «следов» семиотических воздействий*, своего рода партитуру коммуникации. Как в музыкальной партитуре конечным искомым является воспроизводимый фонетический рисунок (звучание) записанного произведения, а не сама графическая нотная форма, так в написанном тексте искомым для автора и интерпретатора является семиотическое воздействие, воссоздаваемое по знаковому (вербальному) «следу». Сознание актора и затем интерпретатора «обрабатывает» единомоментно *только одно семиотическое воздействие*, воспринимая некоторые предыдущие действия и общие (интерсубъективные) фреймы как мыслимую конситуацию (параметры) для данного воздействия. Никакая последовательность условно выделенных «следов» коммуникативных воздействий в идеальном случае не может «означать» больше или меньше, чем мыслимый актором эффект производимого воздействия (мыслимые адресат, объекты, связи, отношения, интенции, ценности, эмоции и пр.). Предел смысла, устанавливаемый при интерпретации адресатом в различной мере, задается семиотическим актором.

Добросовестная интерпретация каких-либо «знаков», в том числе вербального текста, состоит в посильном приближении к источнику смыслообразования (мыслимому акциональному состоянию сознания актора) на каждом последующем шаге производимого воздействия.

5. В естественном семиозисе порождается и интерпретируется не знак, а сам *процесс семиотического воздействия*, не совпадающий с набором условно обособляемых знаков (ср. «знак» [да] в актуальной коммуникации). Концепция воздействия, примененная к семиотическому акту (в том числе словосодержащему), позволяет избавиться от нарративности, отражательности, информативности в понимании любого семиотического процесса. Даже в случае «констатации положения дел» необходимо признать наличие планируемого актором эффекта, то есть осознанной попытки произвести изменения во внешнем когнитивном состоянии. Платоновское «подражание», или нарратив наличествующей реальности посредством «букв и слогов», красок и форм (а также такие понятия, как «обнаружение мысли», «отражение мира», «передача информации» и пр.), оказываются *бессмысленным дублированием* и без того существующего, если в описательную схему не вводится аспект планируемого *изменения*, мыслимой новизны, попытки опосредованной трансформации внешнего когнитивного состояния, искомой семиотическим актором. Так, намеренную ложь в «отражательной» концепции семиозиса объяснить невозможно, в то время как в рамках коммуникативной (акциональной) модели ложь получает объяснение как попытка мыслимого воздействия, то есть целенаправленного изменения внешнего когнитивного состояния в интересах актора.

6. Акциональная трактовка семиозиса ведет к признанию *семантической пустоты коллективного «языка»* и его элементов ввиду отсутствия в них источника смыслообразования – конкретного плана изменения внешней когниции опосредованными способами, акционального режима сознания конкретного семиотического актора.

7. Наконец, в семиотическом пространстве присутствуют только *созданные актором объекты интерпретации*. Можно, вероятно, считать, что в реальности предметы (явления), связи и отношения существуют независимо от обладателя сознания, однако в семиотическом пространстве, то есть в составе конкретных семиотических воздействий, осуществляемых обладателем сознания, можно говорить только о выделенных кем-то (созданных кем-то, помысленных) для данного акта объектах, связях, отношениях, интенциях. Это верно как для констатирующих (повествовательных) «предложений», так и для императивов, восклицаний, вопросов, «суждений о будущем» и пр. Автономные слова и грамматические правила («язык») нельзя признать смыслообразующими ввиду отсутствия в них тождественно мыслимой автономной акциональной семантики, которая в действительности называется говорящим в данном акте воздействием. Тела знаков «языка» не обладают способностью сами указывать на какие-то значения/смыслы. Автономная референция, производимая телом знака, невозможна. Поэтому слово, как, впрочем, и любой иной условно выделяемый знак, может выступать в смыслообразующем статусе (то есть в мыслимом *ad hoc* единстве «форма – значение») только как элемент конкретного семиотического воздействия, организованно-конкретным обладателем сознания.

Как видно, указанный «парадокс вербального знака» (А; см. выше) спровоцирован распространенной аберрацией, что в естественном словосодержащем процессе производятся и понимаются сами слова («знаки»). Небезосновательные сомнения в правомерности классической концепции знака, в том числе вербального, заставляя прибегнуть к *коммуникативной модели*, в рамках которой условный парадокс А снимается: смыслообразование есть мыслимое воздействие, а не сумма значений якобы автореферентных слов; участники вербального процесса используют при порождении и интерпретации словосодержащих воздействий множество разнообразных каналов и «знаков» помимо вербальных; процесс порождения и понимания сводится к установлению (на основе различных параметров) акционального когнитивного состояния семиотического актора (единственно возможного источника целенаправленного воздействия, то есть смысла/значения), который избирает адресатов своего воздействия, мыслит некие

интенции, ставит задачи, формирует объекты, фокусирует внимание, обнаруживает ценности и пр., – производит все то, на что не способен знак и язык. Автономная вербальная (и вообще знаковая) структура исчезает как обоснованный объект анализа и описания, и по мере того элиминируется «парадокс».

Парадокс Греллинга – Нельсона: формулировка

Обратимся к парадоксу Греллинга – Нельсона.

(В) «Антиномия Греллинга может быть сформулирована очень просто. Некоторые русские прилагательные, например, “русское” и “многосложное”, обладают тем самым свойством, которые они называют: прилагательное ‘русское’ само русское, а прилагательное ‘многосложное’ само многосложное, в то время как громадное большинство прилагательных, такие, как ‘французское’, ‘односложное’, ‘синее’ и ‘горячее’, не обладают называемым каждым из них свойством. Называя прилагательные второго рода гетерологическими (их также называют гетерологичными. – Прим. А.В.), мы сразу же обнаруживаем, к своему ужасу, что прилагательное ‘гетерологическое’ гетерологическое в том и только в том случае, если оно не гетерологическое» [Френкель, Бар-Хиллел 1966, 21–22].

Для полноты добавим, во-первых, что, в отличие от поясняющего изложения Френкеля – Бар-Хиллела, в аутентичной формулировке парадокса речь идет не только о прилагательных, а вообще о словах (обладающих или нет свойством, которое они называют):

«Sei $\varphi(M)$ dasjenige Wort, das den Begriff bezeichnet, durch den M definiert ist. Dieses Wort ist entweder Element von M oder nicht. Im ersten Falle wollen wir es “autologisch” nennen, im anderen “heterologisch”» [Grelling, Nelson 1908, 307]. («Пусть $f(M)$ будет словом, обозначающим понятие, которым определяется M . Это слово либо является элементом M , либо нет. В первом случае мы будем называть его “автологическим”, в другом – “гетерологическим”». – Пер. А.В.).

Прилагательные «автологичный» и «гетерологичный» называют (обозначают) соответствующие классы, на которые разбиваются все слова. Затем именно эти прилагательные становятся объектом рассмотрения в формулируемом парадоксе, будучи одновременно прилагательными и представителями всех слов: автологичные слова, в том числе прилагательные (те, которые описывают себя, «обладая тем свойством, которое сами именуют»), и гетерологичные слова, в том числе прилагательные (те, которые не описывают себя, «не обладая тем свойством, которое сами именуют»).

Во-вторых, приведем более детальное изложение парадокса, чтобы его конструкция была предельно ясна в интересах последующего анализа. При формулировании парадокса вводится два класса имен (в данном случае прилагательных русского языка):

Прилагательное называется *автологичным* (*автологическим*) тогда и только тогда, когда оно описывает себя. Например, прилагательное «пятисложное» является пятисложным.

Прилагательное называется *гетерологичным* (*гетерологическим*), если оно не описывает себя. Например, «горячее» не является горячим, а «английское» – английским.

Согласно определению этих групп, они представляют собой непересекающиеся множества: каждое прилагательное либо описывает себя, либо нет. Парадокс возникает тогда, когда ставится вопрос: к какой из двух групп относится само прилагательное «гетерологичный»? Если оно автологичное, оно обладает обозначаемым им свойством и должно быть гетерологичным. Если же оно гетерологичное, оно не имеет обозначаемого им свойства и должно быть автологичным.

Понятливую схему парадокса можно изобразить так:

«All adjectives must be either autological or heterological, for each adjective either describes itself, or it doesn't.

Is 'heterological' a heterological word?

1. NO → 'heterological' is autological → 'heterological' describes itself → 'heterological' is heterological, contradiction;

2. YES → 'heterological' is heterological → 'heterological' does not describe itself → 'heterological' is not heterological, contradiction»

(«Все прилагательные должны быть либо автологичными, либо гетерологичными, поскольку каждое прилагательное либо описывает себя, либо нет.

Является ли 'гетерологичное' гетерологичным (словом, прилагательным)?

1. НЕТ → 'гетерологичное' есть автологичное (слово, прилагательное) → 'гетерологичное' описывает себя → 'гетерологичное' есть гетерологичное, противоречие;

2. ДА → 'гетерологичное' есть гетерологичное (слово, прилагательное) → 'гетерологичное' не описывает себя → 'гетерологичное' не является гетерологичным, противоречие». – *Пер. А.В.*)

Для снятия парадокса воспользуемся коммуникативным ключом (см. пп. 1–7, приведенные выше), а затем приведем несколько методологических выводов.

Автор парадокса и его цель

1а. Нельзя не согласиться, что, обращаясь к рассмотрению парадокса, наблюдатель (интерпретатор) участвует в коммуникативной процедуре, организованной автором парадокса, и выступает в качестве прямого или косвенного адресата (наблюдателя). Адресат проявляет добровольную заинтересованность в данном коммуникативном событии, возникшем не вследствие положения дел в мире (которое само не обладает способностью целенаправленно и сфокусированно действовать), а вследствие попытки *личного семиотического воздействия*, организованного семиотическим актором (автором парадокса): сами прилагательные не могут распределяться по группам и классам, они распределены по группам и классам автором парадокса; вопросы не могут ставиться сами собой, они сформулированы автором парадокса; ответы на них не могут изыскиваться безличным положением дел, они даются автором парадокса. Если предположить, что все классы, вопросы и ответы уже присутствуют в «языке» (а согласно распространенной точке зрения, парадокс Греллинга – Нельсона является лингвистическим, языковым, сформулированным словами и проблематизирующим слова), тогда следует признать, что ни вопросы, ни ответы вовсе не должны были возникнуть ввиду непреложного факта существования русского (немецкого, английского и пр.) языка, общеизвестного среди соответствующего коммуникативного коллектива. И тогда изложение парадокса (состоящее из стадий деления на классы, задавания вопроса и затем рассмотрения вариантов ответов) не имело бы никакого смысла. Самопорождение осмысленной знаковой последовательности полностью исключено.

При этом семиотический актор (автор парадокса) брал на себя труд что-то сказать (написать) с каким-то намерением, имея в виду исполнить собственный план изменения внешнего (-их) когнитивного (-ых) состояния (-й). Семиотическое (знакосодеждающее) действие, безусловно, связано с сознанием, но не идентично внутреннему когнитивному процессу: знаковая процедура попросту не нужна для того, чтобы, например, помыслить объект, отношение, признак и пр. Так, чтобы фиксировать собственное внимание на объекте, обладатель сознания не должен непременно указывать на него пальцем самому себе или обращать – опять же к самому себе – какое-то слово. Однако, чтобы *клонить адресата* зафиксировать внимание на данном объекте, необходимо прибегнуть к демонстративному знаковому поведению в отношении мыслимого адресата. Когнитивный и знаковый процессы соотносятся так же, как, скажем, размышление об открывании двери («мысль», планирование, когнитивная операция, не способная каузировать внешнее изменение) и сам процесс открывания (воздействие, трансформация, результатом чего является искомое изменение внешнего положения дел; ср. случай намеренной лжи в коммуникации).

2а–4а. Цель, которую ставил перед собой автор парадокса (на нее указывает и сам жанр коммуникативного события), состояла в том, чтобы добиться от адресата таких изменений когнитивного статуса, в результате которых у того возникло бы ощущение (уверенность, мысль, осознание) «явного противоречия, выведенного из весьма правдоподобных предположений цепью бесспорных на вид рассуждений» [Френкель, Бар-Хиллел 1966, 17]. Ввиду опосредованности производимого воздействия (в отличие от незнакового прямого воздействия), искомые автором парадокса изменения в постороннем сознании не наступают автоматически, не происходят только вследствие самого факта знакового действия. В строгом смысле актер совершает не воздействие, а *попытку* воздействия, демонстрирует *намерение* изменить внешнее когнитивное состояние. Для достижения результата (в отличие от прямого физического воздействия на объект, например, удара по мячу) со стороны адресата необходима интерпретация и «одобрение» (термин Л. Витгенштейна, используемый им для описания понимания [Витгенштейн 1994, 378]; добавим от себя – «одобрение поступка»). На любой стадии объект опосредованного воздействия, будучи полноправным участником смыслообразования, выступая в роли активной «когнитивной призмы», может не только понять актера правильно, но и *не* понять, не заметить, не захотеть заметить, отвлечься, исказить замысел, не принять, не поверить и пр., и в таком случае мыслимый результат опосредованного воздействия не наступит (в отличие от прямого физического воздействия на объект).

Но *что* интерпретирует адресат парадокса, когда соглашается поучаствовать в предложенном сеансе коммуникации? На этот вопрос нельзя ответить, указав на знаки как объекты понимания. Процедура интерпретации в отношении любого семиотического действия самим фактом своего существования свидетельствует, что тела знаков не обладают *собственной референцией* (способностью определенно указывать на значение/смысл), не имеют тождественные смысловые объемы, не воспроизводят стандартные смысловые и эмоциональные коннотации и пр. Слова и другие условно обособляемые объекты интерпретации попадают в сознание адресата не как жетоны заданной формы и веса, а, скорее, как *намек* на внутреннее акциональное («воздейственное») состояние актера, которые нужно «разгадать»: какие объекты он решил поместить в сферу внимания адресата, какие интенции обнаруживает, какие связи мыслит между объектами и пр. По следам, или намекам («тексту парадокса», графической партитуре серии действий), интерпретатор на каждом шаге восходит к состоянию сознания актера, занятого *hinc et nunc* попыткой опосредованно изменить внешнюю когницию. В парадоксе, как и в любом создаваемом семиотическом событии, интерпретируется *процесс* – последовательные действия семиотического актера (автора парадокса), и восстанавливаются когнитивные состояния, которые адресат может уподобить известным ему (представимым для него) состояниям и таким образом понять (одобрить или не одобрить). Эти действия и состояния адресат может признать более оправданными или менее оправданными (совсем не оправданными) при исполнении развертываемой перед ним инструкции, предписывающей, как постепенно оказаться в когнитивном тупике.

Нужно заметить, что отсылка к когнитивному (акциональному в семиотическом случае) состоянию актера имеет особое значение для анализа парадокса. Дело в том, что парадоксы заведомо существуют только в сфере когниции, мысли, интеллектуального процесса, в то время как само положение дел (состояние мира) без участия наблюдателя (обладателя сознания) заведомо не может быть парадоксальным и противоречивым. Так, быстроногий Ахиллес не может догнать менее быстрого бегуна, и даже черепаху, только вследствие когнитивных ловушек, расставленных кем-то в сфере заведенной в них мысли, в то время как в реальности для сына Пелея нет ничего проще, чем справиться с этой задачей; подробнее см.: [Вдовиченко 2020⁶].

Таким образом, за разрешением парадокса критику стоит обратиться к сфере индивидуальной когнитивной и семиотической деятельности автора и наблюдать процесс производимых им последовательных воздействий. Даже если сам «Греллинг –

Нельсон» считал, что изображаемая им диспозиция на каждом шаге есть «состояние мира» («объективное положение дел»), все это остается лишь индивидуальной версией положения дел, вовлекаемой с определенной целью в личный процесс акционального семиозиса здесь и сейчас, в данном моменте воздействия. Данное коммуникативное событие недвусмысленно организуется данным коммуникантом, а не состоянием мира. Порождается и понимается *ex necessitate* именно этот участок создаваемой (еще не существующей) реальности личного воздействия (процесс).

Итак, обратимся к попыткам последовательных коммуникативных шагов актора, который, создавая парадокс, излагает своего рода инструкцию, менее или более критично исполняя которую сознание адресата в итоге должно оказаться в безвыходном положении.

Условия парадокса, или Область «дано»

5а–7а. В качестве первого и самого важного шага автор парадокса создает плацдарм для дальнейшего продвижения к намеченной цели: все слова делятся на два класса. В партитуре парадокса («в тексте», то есть в последовательности вербальных «намеков» на акциональные когнитивные состояния автора) наличие классов слов (на примере прилагательных) выглядит как констатация несомненного и очевидного: одни слова *обладают тем самым свойством, которые они называют, другие не обладают*; каждое слово (прилагательное) либо описывает себя, либо нет; первые называются автологичными, вторые гетерологичными. Адресату, который исповедует привычную классическую концепцию знака и не видит разницы между существованием множества и субъектным назначением (созданием) множества по введенному критерию, с этим сложно не согласиться. Однако именно здесь кроется главный подвох и одновременно механизм, на котором строится парадокс: слова якобы сами производят означивание, они самозначны, они сами обладают свойствами и разделяются по этому критерию на непересекающиеся классы. (Забегая немного вперед, нужно отметить, что впоследствии автору парадокса достаточно будет показать, что «очевидные рассуждения», вступая в конфликт с областью «дано», обнаруживают свои, неясности, странности, и парадокс будет готов. При этом обозначить несоответствие между реальностью и областью «дано» не составит труда: нужно будет всего лишь воспользоваться реальной *несамозначностью* слова, его зависимостью от личного семиотического процесса, работой «когнитивной призмы» в процедуре означивания. Но чем увереннее будет согласие адресата с изложенной диспозицией «дано», где слова сами что-то «делают» – называют, являются, составляют классы, тем сокрушительнее будет эффект предстоящего слома этой уверенности.)

Автор парадокса уподобляет слова (прилагательные) предметам: как предметы имеют какие-то соединенные с ними свойства, например цвет, так и слова якобы имеют какие-то свойства – автономную способность указывать на какие-то денотаты.

Поскольку в реальной коммуникативной процедуре формировать множества, выделять объекты означивания и указывать на какие-то свойства (признаки, явления, связи, отношения, интенции и пр.) может только действующий семиотический актор, область «дано» парадокса может быть сразу подвергнута сомнению (и тогда, заметим, дальнейшее построение парадокса будет невозможным).

Так, любое из прилагательных, которое приводится в списке примеров, иллюстрирующих деление на классы, обнаруживает недостаточную определенность своего членства в обозначенных множествах – автологичном и гетерологичном. Прилагательное «пятисложное» является автологичным (словом), но прилагательное «пятисложным» уже гетерологичное (то же в немецком языке при падежных изменениях формы слова). Прилагательное «русское» автологичное, но записанное в другой условной системе письма (*russkoe*, или звучащее одинаково *белорус. рускае*) уже, пожалуй, гетерологичное. Прилагательное «многосложное» автологично только в том случае, если «называет» количество слогов в слове, но оно же, в той же форме, становится гетерологичным,

если «оказывается синонимом» («означает») «многотрудное», «трудноисполнимое». Прилагательное «черное», напечатанное черным типографским шрифтом, по логике автора парадокса, является «автологичным», но, написанное, скажем, красным цветом или сказанное устно, будет уже гетерологичным. Прилагательное «горячее» изначально является гетерологичным, но, составленное (выложенное) из нагретых металлических букв, становится, по мысли автора парадокса, автологичным. Наконец, само прилагательное «гетерологичное» не может быть изначально приписано к какому-то классу именно потому, что в развертывающемся парадоксе как раз и выясняется его неоднозначное членство.

Несмотря на концептуальную рыхлость и неопределенность области «дано», автор парадокса должен добиться согласия адресата, поскольку это согласие является ключевым условием дальнейшего попадания адресата в когнитивную ловушку (ср. столь же сомнительное разделение множеств на собственные и несобственные в антиномии Рассела; подробнее см.: [Вдовиченко 2020^a]). Поэтому логическая формулировка с зачином «Пусть...» (или прямой линейной «констатация положения дел» «Все слова либо описывают себя, либо нет», или «Все прилагательные либо указывают на то свойство, которым сами обладают, либо нет») содержит элемент внушения: авторитет логики и поверхностное восприятие (и то, и другое – факторы коммуникативного риторического воздействия) заставляют адресата согласиться на дальнейшее манипулирование его сознанием на основе им же самим принятого условия. Заметим, что в этот момент адресату, скорее, стоило бы проявить бдительность (например, возразить: «Позвольте, а прилагательные ‘пятисложным’ и ‘пятисложного’ или нем. ‘dreisilbige’ и ‘dreisilbig’ – одно гетерологичное, а другое автологичное, как следует из Ваших рассуждений, – это разве не одно и то же прилагательное? Похоже, «непересекающиеся» классы пересекаются, и поэтому разделение неэффективно?») и подробнее заняться выяснением причин, по которым констатирование области «дано» сразу вызывает сомнения.

Нужно отметить, что в этой важной для автора парадокса процедуре – склонении адресата к согласию на разделение слов (прилагательных) на два «непересекающихся» класса – решающими являются два фактора: 1) невнимание адресата к тому, что разбиение на классы (множества) является исключительно *субъективной авторской процедурой*, а не объективным состоянием мира, и 2) принимаемая по умолчанию *классическая концепция знака* как «единства означающего и означаемого».

1) Разделение на «существующее» и «мыслимое в качестве существующего» в большинстве случаев не драматизируется, не замечается, не становится эксплицируемой причиной внутреннего конфликта в рассуждении. Так, в лингвистических исследованиях «семантики» дихотомия «объект vs мыслимый объект» зачастую снимается или просто игнорируется: денотатом выступает как «сам предмет», так и «образ предмета», мыслимый обладателем сознания. Однако в некоторых теоретических эпизодах, возникающих даже в поле классического учения о знаках, признание или непризнание этой дихотомии (о которой с определенностью заявляли уже стоики, называя одно недоступным «субстратом», а другое «означаемым» [Тронский 1957, 304]) становится критически важным условием. Так, интерпретировать «денотат» ложного утверждения (с вовлечением «несуществующего» предмета, явления, положения дел, отношения и пр.) можно только при условии *мыслимости* «обозначаемого», которое вовлечено в коммуникативную процедуру при отсутствии «субстрата».

В рамках *коммуникативной модели* смыслообразование знакового процесса интерпретируется как личное мыслимое воздействие [Вдовиченко 2018^b]. Вследствие этого вводится строгая обязательность дихотомии мыслимого и существующего: в лично организованном семиотическом воздействии присутствует только мыслимые (представленные, выделенные, созданные, сформированные и пр.) объекты, независимо от факта наличия или отсутствия «субстрата» в физической реальности. В любом случае планируемое актором *изменение внешней когниции* присутствует только в сознании актора, и отсутствует в «реальности». Это верно для восклицательных, вопросительных, предположительных, ироничных и пр. коммуникативных воздействий (исключенных Аристотелем из логической грамматики), в том числе для суждений о настоящем.

Реальность коммуникативного акта в некотором смысле даже более очевидна, чем реальность субстрата и «означаемого». Так, обладатель сознания, производящий констатирующее коммуникативное воздействие, может не только «говорить правильно», но и ошибаться, быть неточным, лгать, вольно или невольно искажать реальность и пр. «Положение дел», вовлекаемое в данный акт семиозиса, зачастую не известно и не восстанавливаемо. Но *сам факт совершения воздействия* (или попытки воздействия) невозможно отрицать. Он реален и очевиден, принципиально демонстративен ввиду желания актора вызвать внешние изменения, трансформировать *status quo* иного сознания, за пределами своего собственного. При этом, несмотря на нарочитую демонстративность коммуникативного акта, его семантическая часть все равно проявляется только в результате интерпретации *когнитивного* состояния актора, по мере его воссоздания адресатом (наблюдателем). «Знаковый состав» и «положение дел» составляют лишь параметры, используемые для воссоздания акционального режима сознания семиотического актора. (В этом смысле реальность когниции превалирует над реальностью «факта», что закономерно в семиотическом пространстве.)

Так, интерпретация высказывания «Сейчас глубокая ночь» начинается с констатации несомненного (данный коммуникант демонстративно и очевидно произвел попытку воздействия), *что* в дальнейшем предполагает анализ его когнитивного состояния – верификацию поведения в данных условиях, оценку интенции, эмоционального состояния и пр. Это высказывание может оказаться шуткой, иронией, констатацией «истины», намеренной ложью, ошибкой, вопросом, восклицанием и пр. В любом случае *автономный знаковый состав* предложения «Сейчас глубокая ночь» интерпретировать невозможно. Автономная знаковая структура сама по себе не может быть констатацией, шуткой, иронией, побуждением к действию, оценкой и пр. Интерпретации (в том числе верификации) поддается только семиотическое воздействие актора, его личный акт, его акциональное когнитивное состояние.

Соответственно, разделение слов (прилагательных) на два класса, если последовательно признавать это субъектным действием, а не «констатацией реальности», сразу провоцирует сомнения. Очевидно, что это деление не просто неэффективно, а в целом ошибочно. По крайней мере, оно не может быть принято адресатом и одобрено как первый оправданный шаг в коммуникативной последовательности воздействий, которыми актор предлагает адресату открыться и далее следовать его поэтапной инструкции.

2) *Классическая концепция знака* как «единства означающего и означаемого» в полной мере проявляет себя (находит отражение) в уверенности автора парадокса, что слова (прилагательные) на что-то указывают, чем-то обладают, имеют какие-то свойства. Слова, таким образом, уподобляются предметам, обладающим собственными цветом, формой и пр., и считаются полноценными «смыслообразователями», причем автономными, означающими что-то даже без участия так называемого контекста: только этим объясняется опрометчивое условие «Пусть $f(M)$ будет словом, обозначающим понятие, которым определяется M » [Grelling, Nelson 1908, 307].

Конституировать «непересекающиеся» классы гетерологичных и автологичных прилагательных невозможно без признания единства (соединенности) формы и «семантики» в слове (прилагательном). Так, прилагательное «пятисложное» («имеющее пять слогов», по значению) должно иметь пять же фонетических слогов (по форме), и тогда оно попадает в класс автологичных; прилагательное «пятисложный», имея то же семантическое значение («имеющий пять слогов»), становится четырехсложным, имеющим четыре слога в своем формальном составе, и по этой формальной причине сразу лишается права быть автологичным (возвращение в класс автологичных становится возможным для данного прилагательного, например, в форме родительного падежа – «пятисложного»; но там отличить прилагательное «пятисложный» от прилагательного «пятисложное» уже не получится, поскольку они имеют одну и ту же форму родительного падежа; то же в немецком языке при падежных изменениях формы прилагательного). Наоборот, прилагательное «многосложный» пребывает в автологичном классе до тех пор, пока обладает семантикой «имеющий много фонетических слогов»;

как только семантика меняется (например, это прилагательное становится синонимом «многогранный»), то данное прилагательное, при сохранении прежней формы, перемещается в класс гетерологических.

Таким образом, чтобы участвовать в семиотических воздействиях, производимых автором, и быть «правильно» вовлеченными в конструкцию парадокса, слова, по мысли автора, должны представлять собой *автономные модули «форма – значение»* (из которых складываются значащие высказывания). Автор рассчитывает на такое «положение дел». Это заблуждение (неприемлемая нереалистичная позиция) составляет концептуальный фундамент парадокса и, соответственно, является главным фактором его снятия как неоправданной (неприемлемой) семиотической процедуры.

В реальности (вернее, в более реалистичной коммуникативной модели знакового процесса) *автономные слова не обладают собственной референцией*, то есть способность указывать на нечто определенно мыслимое. Они не подобны предметам, обладающим свойствами (цвет, размер и пр.), ввиду того что условное присутствие семантики в слове, в отличие от свойства, которым обладает предмет, опосредуется «когнитивной призмой», «работа» которой не стандартизирована, не автоматизирована и не обусловлена словами. Обладатель сознания, совершая попытку изменения внешнего когнитивного состояния, является единственным источником мыслимого контента данного воздействия, в том числе всех «обозначаемых» («ментальных конструкторов») – телесных и нетелесных объектов, отношений, признаков, интенций, эмоций, ценностей и пр., вовлекаемых в структуру данного акта. Его когнитивное состояние обеспечивает тождество тех «знаков», которые можно условно выделить в данном действии. Так, автономные слова «я», «он», «Петров», «давай», «белый», «переводить», «который», «рубка», «президент» и пр., несмотря на определенность формы, не обладают никакой конкретно мыслимой семантикой и могут обрести ее только в индивидуальном акте семиозиса, будучи «подключенными» к конкретному акциональному состоянию сознания. В структуре конкретного семиотического акта наблюдателя интересуют только такая семантика, которая исходит от данного актора, совершившего данное действие с вовлечением данных клише. Какой-то иной, кроме мыслимой автором, для добросовестного интерпретатора эта семантика в данном акте быть не может.

Иными словами, референция не может присутствовать в самих словах. Они не производят ее, а лишь вовлекаются в процесс референции (который может производиться обладателем сознания в различных формах, с различным набором каналов и знаков, в том числе зачастую вовсе без слов, с использованием других каналов и «знаков»). *Порождается и понимается сам процесс референции*, то есть процесс указания актора, совершающего попытку воздействия, на собственные акциональные («воздейственные») когнитивные состояния: к кому обращается, что имеет в виду, к чему привлекает внимание адресата, какие объекты и связи ему навязывает, какие ценности отстаивает, чего хочет добиться от адресата и пр. Если актора нет, то нет источника референции и, соответственно, автономное от автора прилагательное (слово, знак) не может само что-то означать или называть. Означивает в семиозисе только семиотический актор.

Поэтому расчет Греллинга – Нельсона – нарочитый или просто неотрефлексированный – на то, что автономные слова (прилагательные) на что-то указывают (что, заметим, вполне соответствует классической концепции знака), *не оправдан реальностью коммуникации*: между автономными «телами» знаков (слов) и «семантикой» нет той связности, на которой зиждется конструкция парадокса.

Продолжение следует.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Аристотель 2006 – *Аристотель. Метафизика* / Пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006 (Aristotle, *Metaphysics*, Russian Translation).

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э. Общая лингвистика* / Под ред., с вступ. статьей и комм. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974 (Benveniste, Émile, *Problèmes de linguistique générale*, Russian Translation).

Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994 (Wittgenstein, Ludwig, *Philosophical works*, Russian Translation).

Френкель, Бар-Хиллел 1966 – *Френкель А., Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств / Пер. с англ. Ю.А. Гастева под ред. А.С. Есенина-Вольпина. М.: Мир, 1966 (Fraenkel, Abraham, Bar-Hillel, Yehoshua, *Einleitung in die Mengenlehre*, Russian Translation).

Grelling, Kurt, Nelson, Leonard (1908) “Bemerkungen zu den Paradoxien von Russell und Burali-Forti”, *Abhandlungen der Friesschen Schule II*, S. 301–334.

Ссылки – References in Russian

Вдовиченко 2013 – *Вдовиченко А.В.* «Примышление» и «порождение»: Евномий и каппадокийцы о современных проблемах философии языка // Языковые параметры современной цивилизации. Сб. трудов первой научной конференции памяти Ю.С. Степанова. М.: ИЯз РАН, 2013. С. 314–322.

Вдовиченко 2018^a – *Вдовиченко А.В.* Акциональное смыслообразование: что порождается и понимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3 (37). С. 112–125.

Вдовиченко 2018^b – *Вдовиченко А.В.* С возвращением, автор, но где же твой текст и язык? О вербальных данных в статике и динамике. Часть I // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 156–167; Часть II // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 57–69.

Вдовиченко 2020^{a-b} – *Вдовиченко А.В.* Смыслообразование в логических парадоксах: принцип коммуникативной определенности. Часть I // Вопросы философии. 2020^a. № 2. С. 71–85; Часть II // Вопросы философии. 2020^b. № 3. С. 107–118; Часть III // Вопросы философии. 2020^b. № 4. С. 143–160.

Слюсарева 1975 – *Слюсарева Н.А.* Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М.: Наука, 1975.

Тронский 1957 – *Тронский И.М.* Основы стоической грамматики // Романо-германская филология. Сб. ст. в честь В.Ф. Шишмарева. Л.: ЛГУ, 1957. С. 299–310.

References

Grice, Paul (1975) “Logic and Conversation”, Cole, Peter, Morgan, Jerry, eds., *Syntax and Semantics*, Vol. 3: Speech Acts, Academic Press, New York, pp. 41–58.

Vdovichenko, Andrey V. (2013) “‘Epinomia’ and ‘generation’”: Eunomius and Cappadocian Fathers about modern problems of philosophy of language’, *Language parameters of modern civilization. Collection of works of the first scientific conference to the memory of Yu.S. Stepanov*, IYaz RAS, Moscow, pp. 314–322 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2018) “Actional sense-generating process: what is produced and understood in natural communicative process”, *Voprosy psikholingvistiki*, Vol. 3 (37), pp. 112–125 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2018) ‘Nice to See You Again, Author, but Where Is Your “Text” and “Language”? To Verbal Data in Statics and Dynamics’, Part I, *Voprosy filosofii*, Vol. 6, pp. 156–167; Part II, *Voprosy filosofii*, Vol. 7, pp. 57–69 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2020) “Sense generating process in logic paradoxes: the principle of communicative certainty”, Part I, *Voprosy filosofii*, Vol. 2, pp. 71–85; Part II, *Voprosy filosofii*, Vol. 3, 107–118; Part 3. *Voprosy filosofii*, Vol. 4, pp. 143–160 (in Russian).

Sljusareva, Natalya A. (1975) *F. de Saussure’s theory in the light of modern linguistics*, Nauka, Moscow (in Russian).

Tronsky, Iosiph M. (1957) “Basics of Stoic Grammar”, *Roman and German philology. Collected Papers in Honor of V.F. Shishmarev*, LGU, Leningrad, pp. 299–310 (in Russian).

Сведения об авторе

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author’s Information

VDOVICHENKO Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor, the department of the history and the theory of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.